

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.111
ББК 83.3(3)(Англ.)
DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-94-103

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛАФКАДИО ХИРНА

Анастасия Николаевна Сальникова

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются античные мотивы в отдельных рассказах, лекциях и письмах англо-американского писателя Лафкадио Хирна (1850–1904), определяется их роль в творчестве писателя. Рассматривается связь культур Древней Греции и Японии в представлении писателя, анализируются конкретные темы: метаморфозы, поэзия насекомых. Античные отсылки помогают выявить сходства Востока и Запада, Хирн находит общую основу для двух миров: античное время.

Ключевые слова: *Древняя Греция, Япония, миф, метаморфозы, литература о насекомых, сакральное, Л. Хирн*

Для цитирования: *Сальникова А.Н. Античные мотивы в творчестве Лафкадио Хирна // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 3. С. 94 – 103.*

Original article

ANTIQUÉ MOTIVES IN THE WORKS OF LAFKADIO HEARN

Anastasia N. Salnikova

Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the ancient motifs in specific stories, lectures and letters of the Anglo-American writer Lafcadio Hearn (1850–1904), defines their role in the work of the writer. The author studies the relationship between the cultures of Ancient Greece and Japan in the writer's submission, studies the following topics: metamorphoses, insect poetry. Antique references help to reveal the similarities between East and West, L. Hearn finds a common basis for the two worlds: ancient times.

Key words: *Ancient Greece, Japan, myth, metamorphoses, insect poetry, sacred, L. Hearn.*

For citation: *Salnikova A.N. Antique Motives in the Works of Lafcadio Hearn // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 3. P. 94 – 103.*

Введение

Лафкадио Хирн (1850–1904) – англо-американский писатель греческого происхождения. Детство он провел в Ирландии, затем переехал

в Америку, где началась его писательская карьера в качестве репортера. Он посетил Новый Орлеан и Мартинику, писал о местных традициях. В 40 лет Хирн переехал жить в Японию, где стал изучать японский фольклор. Его работы об этой малоизвестной в то время стране наряду с кайданами – традиционными японскими устными сказками о привидениях и злых духах, «повествованиями о необычайном» [Дуткина, 1992] – принесли ему большой успех. Время действия его кайданов – условное средневековье, однако не обошлось и без ссылок на античность.

В конце XIX в. вновь возник интерес к древним легендам и античному периоду, во многом благодаря Ф. Ницше, увидевшему в Древней Греции спасительный для умирающей Европы идеал, в котором соединились аполлоническое и дионисийское начала. Кроме того, сама Япония и ее искусство также сравнивались с древнегреческими образцами в «Дневнике» братьев Гюнкур [Гюнкур, 1964, с. 26]. Хирн продолжил эту традицию, неоднократно подчеркивая схожесть японской и античной цивилизаций в своих лекциях, письмах, рассказах, что и является материалом настоящего исследования (отобраны отдельные рассказы, лекции и письма). Цель данной статьи – выявить мотивы, связанные с античностью, в произведениях Л. Хирна и определить их роль в творчестве писателя. Эту тему так или иначе затрагивали в своих трудах П. Мюррей, Б. Ю, С. Хиракава. В отечественном литературоведении Л. Хирн мало изучался, по теме античности в его творчестве материалов нет, поэтому данное исследование кажется актуальным¹.

Исследование и его результаты

Среди причин обращения Л. Хирна именно к Греции можно отметить как личные мотивы (греческое происхождение писателя, его любовь к древнегреческим мифам), так и объективное историческое сходство двух культур: синтоизм, религия Японии, имеет много общего с верованиями Древней Греции². Здесь важно также отметить, что Хирн часто использует слово «греческий» в значении «дохристианский», «анимистический», «призрачный». Писатель видит в проницаемости миров живых и мертвых схожесть двух культур [Hearn, 1904, p. 34–35].

В обычаях и традициях Хирн также проводит параллели с античным миром. Побывав на ежегодном синтоистском шествии, писатель замечает сходство ритуального танца с дионисийскими мистериями [Hearn, 1904, p. 115]. Призрачные же служительницы синтоистских храмов, мико, похожи на древних пифий: ритуальными танцами они вводили себя в транс и начинали пророчить. Хирн утверждает, что и по сей день существуют такие женщины-предсказательницы, которые поддерживают связь с мертвыми. Но делают они всё тайно, так как это запрещено законом [Hearn, 1895, vol. 1, p. 267]. Помимо культов, схожих с античным миром, сами японцы будто находятся в другом времени: во многих провинциях люди живут по старому календарю. Сами жители страны, по мнению Хирна, напоминают Фавнов из-за своих традиционных носков таби с разделённым большим пальцем [Hearn, 1895, vol. 1,

р. 31]. Однако это древнее общество разрушается. Хирн считает: то, что происходило в Древней Греции, повторяется сейчас в Японии. Японская цивилизация погибает, как когда-то древнегреческая и европейская.

Античная красота (*antique beauty*) играет для Хирна большую роль в его восприятии искусства [Hearn, 1906, р. 26–32]. Для него красота подобного рода неразрывно связана с божественным трепетом, который она вызывает, с чувством, охватывающим весь спектр эмоций, а настоящая литература затрагивает чувства человека, это ее универсальное свойство, объединяющее литературу всех народов (похожее на гётевскую «мировую литературу» [Михайлов, 1982, с. 3–10]). Только почти платонические проблески (или призраки) этой древней божественной красоты, которую в полной мере могли ощущать наши предки, способен уловить современный человек. Хирн, как он пишет, еще до знакомства с трудами немецкого историка искусства И. Винкельмана, воспевавшего древнегреческое искусство, открыл для себя идеальную красоту античных форм. Правильно написанное художественное произведение и точно подобранные слова могут вызвать в памяти теплоту древнегреческой красоты.

Хирн говорит, что искусство Японии и Древней Греции схоже [Hearn, 1897, р. 106–107]. Японский художник изображает типы, но при этом не вырисовывает прожилки на крыльях, усики и т. д. Человек не видит всех деталей, индивидуальности, заметно лишь типичное для данного вида насекомого. Человеческие лица передаются подобным образом, как маски древнегреческих актеров. Древнегреческое искусство, поднимаясь над реальностью для достижения божественного, «дает нам мечту об идеальных индивидуальных особенностях» [Hearn, 1897, р. 117]. Японское же искусство показывает эти особенности «в процессе становления» («*feature in the making*», выражение Хирн позаимствовал у Г. Спенсера). «Высшее искусство, искусство устремления (будь то японское или древнегреческое) религиозно по своему методу» [Hearn, 1897, р. 116]. Такое искусство, стремящееся к идеалу красоты, является в высшей мере моральным.

Слияние греческого и японского просматривается также и в собранных Хирном легендах. В этом смысле интересен кайдан о слепом музыканте Хоити [Хирн, 2018, с. 17–29]. Оригинальная версия легенды находится в сборнике «Гаю-Кайдан», составленном в 1780-х гг. Эта книга не была широко известна, пока Хирн не обнаружил ее. Однако писатель изменяет содержание (сопровождает рассказ исторической справкой, описывающей битву между японскими кланами), добавляет некоторые сцены, превращая тем самым японского Хоити в греческого Орфея. Хоити – слепой музыкант, к которому ночью приходит незнакомец и просит сыграть для своего хозяина. Выясняется, что этот незнакомец – призрак. Хоити спасают монахи, заметившие, что старец уходит куда-то каждую ночь. Музыка Хоити-Орфея обладает мистической силой, ей Хирн уделяет особое внимание: он добавляет сцену, в которой Хоити поет перед призрачной публикой.

В оригинальном тексте это описано всего в одном предложении, в котором говорится, что призраки, впечатленные выступлением музыканта, начинают плакать при упоминании их смерти³. Хирн же подробно расписывает этот момент: «Хоити возвысил голос и запел под аккомпанемент своего инструмента. Он пел о битве на горьких морских волнах, отбивая ритм и заставляя свой инструмент звучать на разные лады и голоса. То он подражал шуму рассекающих воду весел и стремительному порыву судов, то слышались в его музыке свист летящих стрел и крики умирающих воинов, то вдруг раздавался скрежет стали о доспехи самураев и грохот раздираемых в столкновении корабельных бортов» [Хирн, 2018, с. 22]. В этом фрагменте показана сила искусства музыканта. Благодаря музыке оживают картины прошлого, воссоздается жизнь. Именно талант Хоити заставляет духов приходить к нему. Сила искусства позволяет призракам возродиться.

Необходимо вспомнить, что Орфей в европейской традиции является символом художника, артиста. Символично также то, что рассказ помещен в самое начало сборника кайданов, являясь, по сути, предисловием и подчеркивая важность устной традиции (известно, что Хирн часто записывал легенды на слух, делая «пересказ пересказов»). Хоити-Орфея можно сравнить с самим писателем как с точки зрения физиологии (музыкант слеп, а у Хирна не видел один глаз), так и по смысловой наполненности: Орфей умеет общаться со всем миром, он открыт богам, животным, растениям, его искусство доступно и живым, и мертвым. Так же и Хирн оживляет старинные легенды.

Важные параллели между Древней Грецией и Японией Хирн обнаруживает в метаморфозах (отметим здесь также наблюдение исследователя Д. Лурье о перевоплощениях из грека в ирландца, американца и японца самого Хирна [Lurie, 2005, p. 245–270]). Именно с древнегреческими метаморфозами связываются превращения в растения, животных, насекомых в японских легендах. Животное может превратиться в человека (в кайдане «Осидори» утка приходит к охотнику в образе красивой женщины), а человек – в дерево («Сакура кормилицы», «Сакура шестнадцатого дня», «История Аояги») [Хирн, 2018]. В метаморфозах с деревьями можно также увидеть связь с архетипом Мирового древа, встречающимся не только в Древней Греции, но и в мифологиях других стран (ставшим особенно известным на рубеже XIX–XX вв., в частности, благодаря труду Дж. Фрейзера «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» [Frazer, 1906–1915]). Опираясь на концепцию В.Н. Топорова, широко трактующего дерево в культуре [Топоров, 2010], мы можем обнаружить подобный образ, соединяющий в себе противоположные черты, в произведениях разных периодов творчества Хирна. По дороге на Мартинику писатель любит пальмами, олицетворяющими живительную силу природы и исцеляющими людей из погибающих городов. В то же время он вспоминает древнегреческую легенду о происхождении пальмы, когда Геракл, спустившись в ад, вынес эту ветку на свет, и деревья вокруг начинают казаться ему уже зловещими и при-

зрачными [Hearn, 1911, p. 52]. В Японии на месте пальмы сакура: в ней обитает душа, человек может переселиться в дерево. В «Сакуре шестнадцатого дня» старик с помощью кровавого ритуала харакири оживляет засохшую вишню, «переселяясь» в нее [Хирн, 2018, с. 85–87]. Дерево в рассказах Хирна символизирует связь человеческого мира и сверхъестественного, смертного и бессмертного.

Среди античных параллелей стоит отметить тему о насекомых, так как их «пению» уделяли особое внимание только древние греки и японцы: писатель утверждает, что японцам досталась от греков особая поэтическая чувствительность, способность наслаждаться природой и видеть ее красоту [Hearn, 1895, vol. 1, p. 230]. Статьи о насекомых Хирн начал писать еще в Америке, будучи репортером (статья о выставке бабочек *Butterfly fantasies* [Hearn, 1924, p. 191–193] или *News about ants*, где жизнь муравьев представлена как идеальная греческая республика [Hearn, 1925, vol. 2, p. 50–53]). Однако с переездом в Японию насекомые превращаются из простого объекта наблюдения в метафору и приобретают философский смысл. Насекомые становятся не только проводниками между живыми и мертвыми, но и связующим элементом между прошлым и настоящим: с одной стороны, на крыльях стрекоз ездят духи предков [Hearn, 1897, p. 5], с другой – трель сверчка сравнивается с электрическим колокольчиком [Hearn, 1903, p. 236]. Пение сверчка обладает тем же призрачным и универсальным чувством, что и произведение искусства. Хирн видит в сверчке идеального поэта, на котором лежит проклятье своего дара: тот, умирая и поедая от голода свои ножки, продолжает петь и радовать окружающих (*Yet, after all, to devour one's own legs – for hunger is not the worst by that can happen to a being cursed with the gift of song. There are human crickets who must eat their own hearts in order to sing.* [Hearn, 1903, p. 235–241]).

Особое место уделяется умению древних греков и японцев слушать «музыку» насекомых – те звуки, которые они издают. Хирн представляет своеобразный путеводитель по различным районам Японии, куда съезжаются люди, чтобы послушать эту чарующую музыку. Свои впечатления они часто выражают в лирической форме. Потому у японцев, как и у древних греков, существует отдельная тема в поэзии про насекомых. Хирн делит ее на три класса: поэзия цикад, кузнечиков и ночных сверчков [Hearn, 1914, p. 39–83]. Несмотря на превосходство западного человека в науке и технике, у японцев, как и у древних греков, можно поучиться умению тонко чувствовать природу и наблюдать ее красоту. В литературе Европы и Америки Хирн находит гораздо меньше примеров на тему насекомых.

Хирн пишет, что Европа возвращается к традициям Древней Греции и начинает «постигать великую истину единства жизни», обращаясь к теме насекомых [Hearn, 1922, p. 204]. Отчасти ее «забвение» до определенного времени в западной культуре связано с христианством, которое искореняло различного рода суеверия и воспевания насекомых (в пример Хирн приводит жука, которого в Египте считали священным [Hearn,

1922, р. 197]): считалось, что различные демоны принимают форму животного или насекомого, а имя Вельзевула переводится как «повелитель мух», к тому же сам он часто изображается в виде мухи. Однако с развитием науки стало понятно, что насекомые имеют высокий уровень организации. Поэтому большинство упомянутых Хирном стихотворений на эту тему относится к XIX в. Английские поэты, в частности романтики, много писали о птицах, особенно певчих, но гораздо меньше о насекомых (еще меньше о насекомых, издающих звуки). Он отмечает, что даже о мухах стихотворений написано больше, чем о стрекозах. Хирн отмечает тех, кто обеспокоен тайной вселенной: С. Кольриджа, У. Вордсворта, Р. Браунинга, А. Теннисона, Дж. Китса; из французов – В. Гюго, А. де Ламартина, Т. Готье и др. В «пении» насекомых Хирн видит истинную поэзию, человек не может постичь значение звуков этих маленьких созданий, поэтому обращается к миру воображения. Таким образом наука, по мнению Хирна способствовавшая развитию в европейской поэзии темы музыки насекомых, подтолкнула и к развитию творческой мысли и поэзии. Однако по распространенности этой темы в поэзии Европа и Америка не сравнятся с Японией и Древней Грецией, где негативных коннотаций насекомых не так много.

У древних греков, например, как и у японцев, бабочка является символом жизни после смерти. Древнегреческая Психея представлялась в виде девушки с крыльями бабочки. Бабочка, как отмечает Хирн, – призрак человека. Такое изображение бабочки можно найти в рассказе «Сон Акиносукэ», где душа заснувшего молодого человека переселяется в бабочку. Метаморфоза необязательно связана с каким-либо положительным перевоплощением. В насекомое может вселиться и нечистая сила. Так, метаморфозу претерпевает злой гоблин, превратившийся в паука, а затем в человека в рассказе «Гоблин-паук». Говоря о пауках, «низшем» классе насекомых, так как они не издают звуков, Хирн снова обращается к древнегреческой мифологии: тщеславная ткачиха Арахна была наказана Афиной и превращена в паука, который вечно вынужден плести свою паутину [Hearn, 1922, р. 189–190]. Подобные отсылки к античной литературе позволяют Хирну показать японскую культуру столь же значимой и важной, как и европейская. Западные произведения часто изобилуют ссылками и аллюзиями на древнегреческие мифы, историю, верования. Нечто подобное Хирн пытается сделать и с японской литературой: проводя аналогии с истоками европейской культуры, он знакомит не только западного читателя с Японией, но и, являясь тем временем преподавателем европейской литературы в Токийском императорском университете, японцев с Западом.

Заключение

В отличие от бытовавших в то время представлений об экзотических странах как примитивных и чуждых европейской цивилизации, Хирн находит общую основу для двух миров: античное время. Древняя Греция стала для писателя частью художественного мира, соединяющего не-

сколько культур, времен и народов. Увлекаясь с детства древнегреческими мифами и видя в них высокое искусство, Хирн находит похожий идеал в образе стремительно исчезающей старой Японии. Писатель не признает каких-либо границ, географических или жанровых, поэтому проницаемость миров живых и мертвых, присущая японскому и древнегреческому мировоззрению, стала характерной чертой произведений Хирна (в том числе по этой причине в них часто появляются призраки). Он также находит сходства двух культур в обычаях, обрядах и искусстве. На его глазах старые традиции стали уходить в прошлое, поэтому Хирн пытается запечатлеть этот ускользающий мир. Схожесть двух культур просматривается не только в очерках о Японии, но и в художественных рассказах Хирна. Обращение к античным мотивам, в частности метаморфозам и поэзии насекомых, а также введение отдельных образов, выполняет несколько функций: во-первых, таким образом Хирн адаптирует незнакомые культуры для западного и японского читателя; во-вторых, Хирна привлекали исчезающие традиции, он хотел их запечатлеть по подобию античных мифов. При этом легенды тех или иных народов не кажутся инородным элементом в его творчестве, прослеживаются единые мотивы в рассказах, написанных как в Америке или Новом Орлеане, так и на Мартинике или в Японии (метаморфозы с деревьями или эволюция мотива насекомых от простого наблюдения за ними в ранних рассказах/очерках до «поэзии» насекомых и приобретения философского смысла в рассказах, созданных на японском материале). Обращение к античным мифам сам Хирн объясняет желанием добраться до некоего первоисточка [Hearn, 1915, vol. 2, p. 46], дописьменной литературы, «сакрального времени», по выражению М. Элиаде: «Проживая мифы, мы выходим из времени хронологического, светского и вступаем в пределы качественно другого времени, времени сакрального...» [Элиаде, 1995, с. 28]. Возвращение к сакральному должно обновить жизнь и общество.

Примечания

¹ Существует небольшое упоминание в статье М.В. Тлостановой в серии «История литературы США» (том 4), где представлено креольское творчество романтика Хирна [История литературы США, 2003, с. 533–534], несколько статей выпущено А.Б. Танасейчуком, рассматривающим Л. Хирна как космополита и «человека без родины», например, [Танасейчук, 2005, с. 202–204], [Танасейчук, 2014, с. 5–12].

² На эту тему см. [Hirakawa, 2007, p. 16–30; Оно, Уильям, 2007].

³ Подробнее о сравнении рассказа Хирна с оригиналом см. [Kida, 2010, p. 45–56].

Литература и источники

Гонкур Э., Ж. де. Дневник. Записки о литературной жизни: Избр. страницы: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964. 711 с.

Дуткина Г.Б. Традиции и развитие японского «повествования о необычайном» от средневековья к современности: дис. ... канд. филол. наук. М.: Рос. АН Ин-т востоковедения, 1992. 169 с.

История литературы США. Литература последней трети XIX в., 1865–1900 (становление реализма) / под ред. П.В. Балдицына, М.М. Кореневой. М.: ИМЛИ РАН. 2003. Т. 4. 991 с.

Михайлов А.А. Концепция мировой литературы Гете и эстетика немецкого романтизма // Вестн. Моск. гос. ун-та. Филология, серия 9, 1982. № 1. С. 3–10.

Оно Сокио, В. Уильям. Синтоизм: Древняя религия Японии. М.: «София». 2007. 160 с.

Танасейчук А.Б. Лафкадио Хирн – космополит по рождению // Странник, 2005. №3. С. 202–204.

Танасейчук А.Б. Лафкадио Хирн, человек без родины // Волшебные истории о таинственном и ужасном. Саранск, 2014. С. 5–12.

Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.

Хирн Л. Мальчик, который рисовал кошек. СПб.: Азбука, 2018. 384 с.

Элюаде М. Аспекты мифа. М.: «Инвест – ППП». 1995. 238 с.

Frazer J. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion: In 12 vols. London: The Macmillan Company, 1906–1915.

Hearn L. An American Miscellany: In 2 vols. New York: Dodd, Mead. 1924. Vol. 1. 227 p.

Hearn L. Books and Habits from the Lectures of Lafcadio Hearn. London: W. Heinemann, 1922. 328 p.

Hearn L. Gleanings in Buddha-Fields: Studies of hand and soul in the Far East. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1897. 296 p.

Hearn L. Glimpses of Unfamiliar Japan: In 2 vols. Boston and New York: Houghton Mifflin Company. 1895.

Hearn L. Idolatry // The Life and Letters of Lafcadio Hearn: In 2 vols. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1906. Vol. 1. P. 26–32.

Hearn L. Insect-Musicians // Exotics and Retrospectives. Boston: Little, Brown and Company. 1914. P. 39–83.

Hearn L. Interpretations of Literature by Lafcadio Hearn: In 2 vols. New York: Dodd, Mead and Company, 1915.

Hearn L. Japan: An Attempt at Interpretation. London, New York: The Macmillan Company. P. 34–35. 1904.

Hearn L. Kottoō: being Japanese curios, with sundry cobwebs. London, New York: The Macmillan Company, 1903. 251 p.

Hearn L. Leaves from the Diary of an Impressionist: Early Writings. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1911. 177 p.

Hearn L. Occidental Gleanings: In 2 vols. New York: Dodd, Mead and Company, 1925.

Hirakawa Sukehiro. What Does His Greek Mother Mean to Hearn, the Japan Interpreter? // Lafcadio Hearn in International Perspectives. Folkestone, Kent: Global Oriental, 2007. P. 16–30.

Kida Satoshi. The Making of Kwaidan: Lafcadio Hearn as a Reluctant Imperialist. Mie, Japan: Mie University, 2010. 66 p.

Lurie D. Orientomology: The Insect Literature of Lafcadio Hearn // JAPANimals: history and culture in Japan's animal life. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 2005. P. 245–270.

References

- Dutkina G.B. (1992). *Traditions and Development of the Japanese "Narrative of the Extraordinary" from the Middle Ages to Modern Times*. Thesis by Ph.D. of Philological Sciences: 10.01.06. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies. 169 p. (In Russian)
- Eliade M. (1995). *Aspects of Myth*. Moscow, «Invest – PPP». 238 p. (In Russian)
- Frazer J. (1906–1915). *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion*. In 12 vols. London: The Macmillan Company.
- Goncourt E., J. de. (1964) *The Goncourt Journal*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 711 p. (In Russian)
- Hearn L. (1924). *An American Miscellany*: In 2 vols. New York: Dodd, Mead. Vol. 1. 227 p.
- Hearn L. (1922). *Books and Habits from the Lectures of Lafcadio Hearn*. London: W. Heinemann. 328 p.
- Hearn L. (1897). *Gleanings in Buddha-Fields: Studies of hand and soul in the Far East*. Boston and New York: Houghton Mifflin Company. 296 p.
- Hearn L. (1895). *Glimpses of Unfamiliar Japan*: In 2 vols. Boston and New York: Houghton Mifflin Company.
- Hearn L. (1906). *Idolatry. The Life and Letters of Lafcadio Hearn*: In 2 vols. Boston and New York: Houghton Mifflin Company. Vol. 1. P. 26-32.
- Hearn L. (1914). *Insect-Musicians. Exotics and Retrospectives*. Boston: Little, Brown and Company. P. 39-83.
- Hearn L. (1915). *Interpretations of Literature by Lafcadio Hearn*: In 2 vols. New York: Dodd, Mead and Company.
- Hearn L. (1904). *Japan: An Attempt at Interpretation*. London, New York: The Macmillan Company. P. 34-35.
- Hearn L. (1903). *Kotto: being Japanese curios, with sundry cobwebs*. London, New York: The Macmillan Company. 251 p.
- Hearn L. (1911). *Leaves from the Diary of an Impressionist: Early Writings*. Boston and New York: Houghton Mifflin Company. 177 p.
- Hearn L. (1925). *Occidental Gleanings*: In 2 vols. New York: Dodd, Mead and Company.
- Hearn L. (2018). *The Boy Who Drew Cats*. SPb.: Azbuka. 384 p. (In Russian)
- Hirakawa Sukehiro. (2007). What Does His Greek Mother Mean to Hearn, the Japan Interpreter? *Lafcadio Hearn in International Perspectives*. Folkestone, Kent: Global Oriental. P. 16-30.
- Kida Satoshi. (2010). *The Making of Kwaidan: Lafcadio Hearn as a Reluctant Imperialist*. Mie, Japan: Mie University. 66 p.
- Lurie D. (2005). *Orientalism: The Insect Literature of Lafcadio Hearn. JAPANimals: history and culture in Japan's animal life*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press. P. 245-270.
- Mihajlov A.A. (1982). The Concept of World Literature Goethe and the Aesthetics of German Romanticism. *Vestnik of the Moscow University*. Series 9. Philology, no. 1, p. 3-10. (In Russian).
- Ono Sokio, W. Woodard. (2007). *Shinto: Ancient Religion of Japan*. Moscow, Ltd Publishing house «Sofija». 160 p. (In Russian)
- Tanaseichuk A.B. (2005). Lafcadio Hearn is a cosmopolitan by birth. *Strannik*, no. 3, p. 202–204. (In Russian)

Tanaseichuk A.B. (2014). Lafcadio Hearn, a man without a homeland. Magical stories about mysterious and terrible. Saransk. P. 5-12. (In Russian)

The History of American literature. Literature of the last third of the XIX century, 1865–1900 (the formation of realism) (2003). M: IMLI RAS. Vol. 4. 991 p. (In Russian)

Toporov V.N. (2010). *The world tree. Universal Sign Systems*: In 2 vols. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russian)

Сведения об авторе

Сальникова Анастасия Николаевна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета, heiligtokio@yandex.ru.

Information about the author

Anastasia N. Salnikova – post-graduate Student of the Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology,

Статья поступила в редакцию 07.03.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 07.03.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.